

пить, например, лошадь. Учитывая то обстоятельство, что Фрол Скобеев был «небогатым дворянином» Новгородского уезда, трудно допустить, чтобы он мог легко располагать такими суммами.²¹ Аннушка дает Фролу 2000 рублей. Это огромная сумма для XVII в. Тем более невероятно, чтобы она могла быть в руках у девушки, находившейся в зависимости от своего отца. Это совершенно противно всем правилам Домостроя, руководившим жизнью женщины высшего круга в XVII в.

Также совершенно немыслимо было в XVII в. отпустить дочь стольника в карете одну, без сопровождающих женщин, в гости в Новодевичий монастырь. В. Ф. Покровская указывает на аналогичный случай, имевший место в Москве в 1653 г.²² Но, во-первых, там речь шла о простой девушке-«сиротке», находившейся на воспитании у монахини Вознесенского монастыря, а не о стольничьей дочери, а во-вторых, и эта девушка была отпущена только с пришедшей за ней женщиной.²³ Самостоятельная поездка Аннушки — предвестник той свободы, которой женщины пользовались на ассамблеях.

Наконец, дата, имеющаяся в двух списках «Повести», — «1680 г.» — никак не может говорить в пользу отнесения ее к XVII в., так как в последнем случае стоял бы не «1680 г.», а «7188 г.» или «188 г.». Если даже считать списки с этой датой (Ундольского и Титовский) более поздними по сравнению с другими (что трудно доказать), то все же разница между ними так невелика, что и расстояние по времени не может быть значительным.

Итак, ни терминология «Повести», ни отдельные реалии, встречающиеся в ней, не дают возможности возводить время составления ее к XVII в. Самым же существенным, на наш взгляд, доводом в пользу отнесения «Повести» к XVIII в. является трактовка автором ее основной темы. В «Повести» противопоставляются, с одной стороны, предстатели старых служилых «чинов» — стольники Нардин-Нащокин и Ловчиков, с другой — небогатый городской новгородский дворянин Фрол Скобеев. Большинство исследователей «Повести», опираясь на то, что в ней фигурируют «стольники» — один из разрядов служилых людей московского чина, — относило не только время действия, но и самое составление ее к XVII в.

Рассмотрим этот вопрос детальнее. В «Повести» мы не видим стольников как действующих членов правящей группы. Наоборот, они изображены как остатки отживающей старины. Им противопоставляется преуспевающий в жизни небогатый городской дворянин, промышленяющий в то же время «хождением за делами», Фрол Скобеев. Стольники относятся пренебрежительно к нему, награждая его такими неслестными эпитетами, как «плут», «ябеда», но победителем из столкновения нового со старым выходит представитель нового поколения. Через все содержание «Повести» проходит презрительное отношение автора к старому чиновному миру. Его симпатии на стороне пронырливого, беспринципного Фрола Скобеева.

«Повесть» проникнута атмосферой ломки всего чиновного строя. Служилые люди разделялись в XVII в., как известно, на чины, а последние на разряды. В высший, «думный», чин входили бояре, окольные и думные дворяне. Второй, «московский», чин состоял из стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов. В последний входили дворяне городовые и дети боярские. Эта структура, унаследованная от XVII в., держалась

²¹ В начале XVII в. высший годовой денежный оклад городского дворянина не превышал 14 рублей, в конце века он несколько возрос.

²² В. Ф. Покровская. Повесть о Фроле Скобееве, стр. 255.

²³ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI—XVII вв. Изд. 3, М., 1901, стр. 450 и сл.